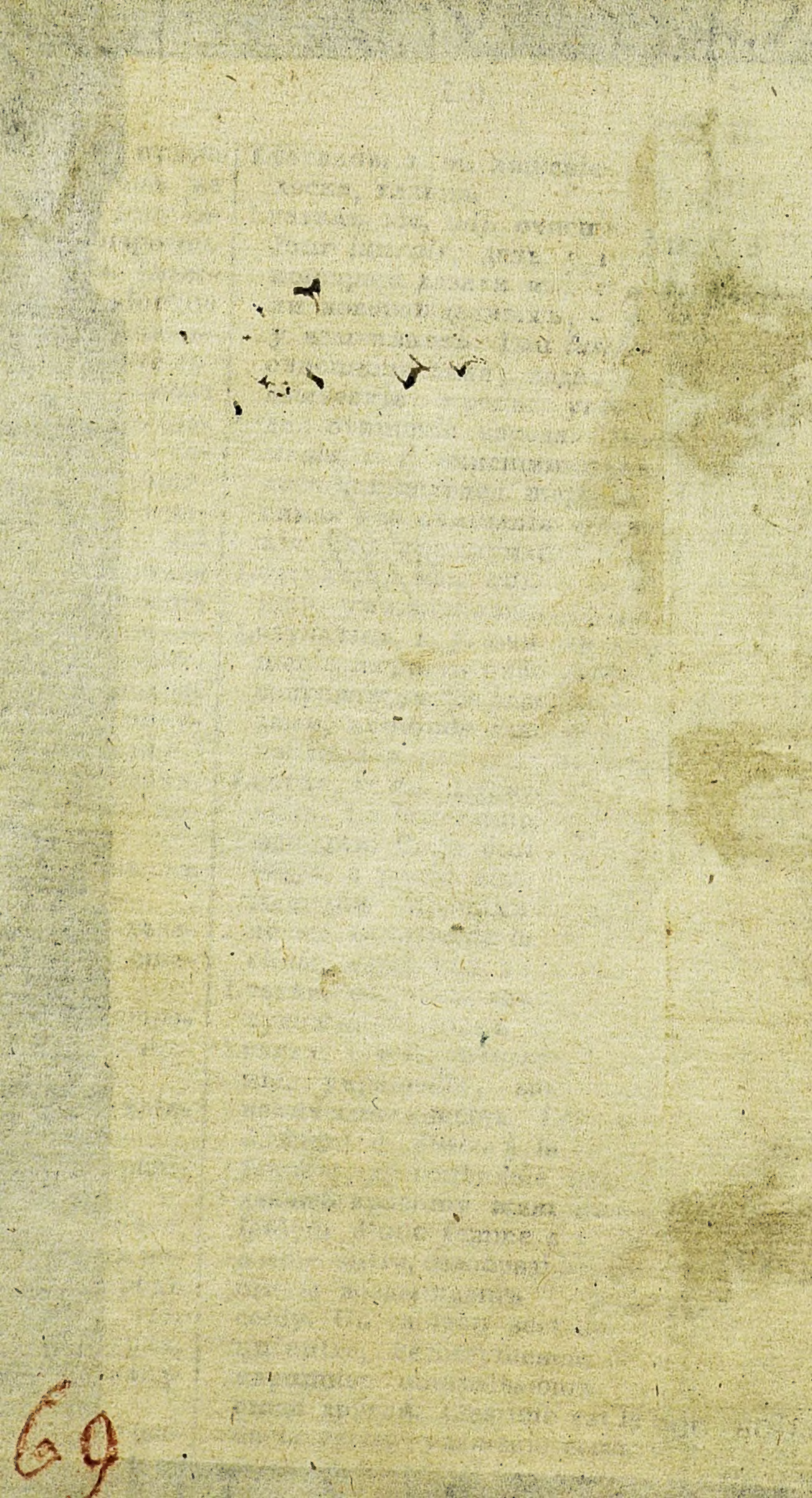

69

К.
945.

+ 123 6/12

~~122 5/164~~

+

АЛЕКСАНДРІАДА

или

Собраніе достопримѣчательныхъ изрѣченій

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I-го,

во время пребыванія Его въ Парижѣ.

Съ краткимъ описаніемъ военныхъ дѣйствій Россійской арміи и ея союзниковъ, до возстановленія на тронъ Франціи Лудовига XVIII, и извѣстіемъ о послѣднихъ минутахъ жизни Генерала Моро.

Провидѣніе благословило великодушныя предпріятія ихъ. —

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

въ Типографіи Императорскаго Театра, 1818 года.

Печатать позволено:

съ тѣмъ, что бы по напечатаніи до выпуска въ свѣтъ, представлено было въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. С. Петербургъ, Февраля 8 дня, 1818 года.

Цензоръ Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ Г. Яценковъ.

ЕГО СІЯТЕЛЬСТВУ

КНЯЗЮ ПЕТРУ ИВАНОВИЧУ

ТЮФЯКИНУ.

Гофмейстеру Двора Его Императорскаго Величества, Дѣйствительному Камеръ-Геру, Вице-Директору Императорскихъ Зрѣлищъ и Музыки въ обѣихъ столицахъ, и Орденовъ: Св. Анны 1-го класса Кавалеру и Св. Іоанна Іерусалимскаго Командору.

усерднѣйшее посвященіе.

ВАШЕ СІЯТЕЛЬСТВО!

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ!

Посвящая Вамъ трудъ сей, достойный лучшаго и опытнѣйшаго пера, я бы долженъ былъ изчислить тѣ благодѣянія, коими отъ Васъ осыпанъ, и языкомъ изобильнаго краснорѣчія изобразить чувства свои, основанныя на вѣчной и живой признательности; но, не владѣя рѣдкимъ симъ даромъ, коимъ природа надѣляетъ любимцовъ своихъ, — даромъ описывать пылкость и стремленіе пламеннѣй-

шихъ ощущенiй сердца, а умѣя только чувствовать, — я спѣшу увѣрить Васъ въ непоколебимой своей преданности и истинномъ, душевномъ высокопочитанiи, — съ коими на всегда пребуду

Вашего Сiятельства

Милостиваго Государя

Марта 22 дня 1818 года.

всепокорный слуга

Рафаилъ Зотовъ.

АЛЕКСАНДРІАДА

ИЛИ

Собраніе достопримѣчательныхъ изреченій

ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА I-го,

во время пребыванія Его въ Парижѣ.

ВЕЛИКОДУШІЕ АЛЕКСАНДРА I-го И ЕГО СОЮЗНИКОВЪ.

Происшествія, коимъ примѣра въ лѣтописяхъ народовъ еще не было, и вѣроятно никогда не будетъ, обращаютъ нынѣ (*) на себя взоры и удивленіе всей Европы. Цари справедливые и миролюбивые, не имѣвшіе другаго желанія и честолюбія, кромѣ счастія своихъ народовъ, видѣли опустошеніе

(*) Книга сія сочинена въ 1815 году въ Парижѣ.

державъ своихъ коварнымъ и кровожаждущимъ деспотомъ; они соединились наконецъ для истребленія сего бича рода человѣческаго, и Провидѣніе увѣнчало успѣхами благородныя ихъ усилія. Многіе народы прославили себя слѣпою страстію къ завоеваніямъ, но великодушные сіи освободители царствъ нашли лучшую, достойнѣйшую себя славу,—славу справедливой брани за счастіе всей земли. Они извлекли народы изъ порабощенія, они возвратили престолъ законному Государю, — и полетъ вѣковъ не въ силахъ привести въ забвеніе великія имена ихъ.

Небесное Провидѣніе кажется издавна предъопредѣлило Алек-

сандра I-го быть главою священнаго сего союза; и Делиль какъ бы прочелъ въ книгѣ судебъ будущее его величіе. Предвѣщаніе славнаго сего поэта совершенно исполнилось. (*)

Наполеонъ, гордясь прежними побѣдами своими, одержанными

(*) Делиль въ поэмѣ своей: *Состраданіе*, обращается къ Императору Александру слѣдующею рѣчью: „Младый и достойный преемникъ скипетра великихъ Царей! вся вселенная обратила взоры свои на тебя!.... Какое трогательнѣйшее несчастіе, какая справедливѣйшая причина, испрашивали когда твоей помощи?... — Нѣкогда герой твоего имени возвелъ на тронъ старца; ты же возложишь корону на главу Лудовика.“

въ Испаніи, Италіи, Илляріи, Германіи и Пруссіи, возмечталъ, что онъ уже можетъ подвергнуть игу своему всѣхъ Царей Европы, и содѣлать ихъ своими данниками; — одна Россія еще препятствовала дерзскимъ его намѣреніямъ; какъ величественный колоссъ возвышалась она на незыблемомъ основаніи вѣры, любви къ отечеству и преданности къ Монарху, — и Наполеонъ рѣшился употребить всѣ усилія, чтобъ низвергнуть ея могущество. Собравъ безчисленное ополченіе разнонародныхъ воинствъ, понесъ онъ смерть, пламя, грабежъ и опустошеніе въ нѣдра Россіи.

Мечтательность безпредѣльнаго честолюбія внушила ему гибельную мысль вступить въ предѣлы Россійской Имперіи въ 1812 году; ложная политика заставила думать, что въ Москвѣ дастъ онъ миръ, какой ему заблагоразсудится; удостовѣрила его, что оный обезсилитъ могущество сей державы на цѣлые полвѣка, — и что онъ возвратится побѣдителемъ. Но вскорѣ благородная твердость Императора Александра, необоримое мужество и побѣды его воиновъ и безпредѣльная вѣрность къ Царю и Отечеству народовъ его, разрушили очаровательный сонъ Наполеона, — и тогда всѣ усилія къ отвращенію гибельныхъ

послѣдствій ошибокъ своихъ, были поздны и тщетны; вся Французская армія была разсѣяна и уничтожена, и театръ войны съ береговъ Днѣпра и Двины, менѣе нежели через 4 мѣсяца, перенесенъ былъ на берега Одера и Эльбы. — Быстрый сей переворотъ предвозвѣщалъ важную перемѣну въ политическихъ отношеніяхъ Европы.

Союзъ Россіи, Великобританіи и Швеціи представлялъ сосѣдственнымъ Державамъ новый планъ соединенія къ уничтоженію замысловъ Наполеона; Императоръ Александръ желалъ и требовалъ сего союза, будучи увѣренъ, что необходимость и общія пользы сохраненія своей

независимости, придадутъ оному болѣе средствъ и силы къ успѣшному исполненію справедливаго предпріятія. Пруссія, принявъ твердое намѣреніе жертвовать всѣмъ, предпочитая даже политическую смерть и ничтожество тягостному порабощенію, въ которомъ тогда находилась, — Пруссія, первая воспользовалась счастливою сею минутою, чтобъ перейти на сторону союзниковъ. — Императоръ Александръ, чтобъ ускорить важное соединеніе съ другими Державами для прекращенія бѣдствій человѣчества, представилъ необходимость онаго слѣдующимъ Манифестомъ:

„Въ то время, какъ въ храмахъ Имперіи Нашей раздаются гимны благодарности и побѣды, когда храбрые воины Наши, пользуясь успѣхами, коими они единственно мужеству своему обязаны, устремляются въ слѣдъ за разбитыми полчищами надмѣнныхъ разбойниковъ, хотѣвшихъ дѣлить между собою поля храбрыхъ Славянъ, Мы почли за нужное извѣстить Имперію о Нашихъ намѣреніяхъ.

Небесное Провидѣніе, побораяя справедливой брани, само взываетъ ко всѣмъ народамъ и приглашаетъ ихъ къ защитѣ чести Отечества. Царямъ и народамъ напоминаемъ Мы симъ о ихъ обязанностяхъ и выгодахъ.

Съ давняго времени примѣтили Мы, что всѣ ухищренія, всѣ злодѣянія Французской власти имѣли единственною цѣлію униженіе Европы. Увѣренные въ храбрости войскъ Нашихъ, Мы были безъ заботъ о неприкосновенности Нашей Имперіи, заключая внутри сердца Нашего праведное негодованіе. Съ горестію, но безъ страха, видѣли Мы порабощеніе столь многихъ народовъ, которые проливали только слезы подъ игомъ тиранства ихъ отягощающаго. Война 1806 года, въ которую Мы были оставлены нашими союзниками, прервала всякое сношеніе съ поработившимися Царями, предающими несчастныхъ под-

данныхъ своихъ на жертву ненасытимому честолюбію человѣка, посланнаго Провидѣніемъ бичемъ народовъ. Счастіе вѣрноподданныхъ Нашихъ было для насъ драгоцѣнно, — и Мы не хотѣли нарушать спокойствія ихъ для чуждыхъ имъ причинъ. Обманутый мнимою Нашею безпечностію, врагъ Нашъ думалъ подать Намъ законы; онъ собралъ безчисленныя воинства, и направилъ ихъ на границы Наши. Руской летѣлъ къ оружію. Всякой хотѣлъ быть воиномъ для защиты вѣры и жилищъ своихъ.

Мы остановили благородное сіе соревнованіе, и не удивляясь чрезмѣрному превосходству числа непріятелей, храбрыя войска

Наши, заманили его искусными маневрами въ нѣдра Имперіи, которую онъ стремился уничтожить. Шествіе его ознаменовано было поступками ужаснѣйшаго звѣрства; онъ мстилъ Намъ сожженіемъ селъ и городовъ за то, что вѣрные жители ихъ истребляли магазейны свои, могущіе быть полезными для враговъ. Фаланги наши соединились и показали удивленному свѣту, что въ рядахъ ихъ тѣ же воины, которые побѣждали при Требіи и Ейлау.

Пользуясь побѣдою, Мы простираемъ руку помощи къ угнетеннымъ народамъ; настала минута спасенія; никогда несчастная Германія не имѣла лучшаго

къ тому случая; побѣжденный и безнадежный врагъ ея бѣжитъ со страхомъ, — и бѣгствомъ своимъ удивляетъ народы, привыкшіе видѣть только надмѣнность и тиранство его. Съ чистосердечіемъ, свойственнымъ силѣ и могуществу, взываемъ Мы теперь. Россія, подкрѣпляемая нынѣ неустрашимою своею союзницею Пруссіею, — двадцать лѣтъ уже потрясая колоссъ, вооруженный на гибель ея, не имѣетъ въ помышленіи разширить области свои; не границы, а благодѣянія, хотимъ Мы распространить между отдаленнѣйшими народами. Участь Везувія и Гвадіаны были рѣшены на берегахъ Бористена; — отъ туда

же возвратится свобода Испаніи, которую она столь сильно и мужественно защищаетъ въ вѣкъ слабости и малодушія.

Симъ Манифестомъ взываемъ Мы къ народамъ то самое, что уже возвѣстили Царямъ ихъ чрезъ посланниковъ Нашихъ; и естьли сіи послѣдніе будутъ столь малодушны, что захотятъ упорствовать еще въ гибельной системѣ униженія, то да вознесутъ тогда голосъ свой ихъ подданные, да повлекутъ властителей своихъ, ввергнувшихъ ихъ въ стыдъ и несчастіе, къ мщенію и славѣ; да воспомнитъ Германія древнее свое мужество, — и да изчезнетъ тиранъ ея.

Австрійцы! чего надѣетесь вы отъ Французовъ? Лучшими областями государства своего платите вы за надежду погибнуть нѣкогда подъ мечемъ Испанцевъ, или въ другихъ отдаленныхъ странахъ, въ брани вамъ чуждой, несправедливой и святотатственной; уничтоженная ваша торговля, оскорбленная честь ваша, знамена ваши, украшавшіяся прежде трофеями побѣдъ, а нынѣ преклоненныя предъ орломъ Французскимъ: — вотъ плоды постыднаго вашего союза съ ними. Коварства и лжесплетенія суть преступленія слабаго; Намъ чужды онѣ и презрительны, — и Мы не употребимъ ихъ. Воспоминая Царямъ

ихъ ошибки, подданнымъ ихъ малодушіе, хотимъ Мы привести и тѣхъ и другихъ къ системѣ, долженствующей возвратить Европѣ миръ, славу и спокойствіе.

Воспомнить ли Пруссіи ужасныя бѣдствія, ея отягощавшія? Напоминаніе объ оныхъ увеличило бы ярость ея, но не мужество. Со всѣхъ сторонъ летятъ къ оружію; града и села державы Фридриха II, кажется одушевлены геніемъ его, и обѣщаютъ успѣхъ, достойный ея рѣшимости.

Гессенцы! вы помните еще законнаго властителя, отца вашего! — Война 1809 года, — когда предпріятіе Герцога Брауншь-

вейгскаго достаточно было чтобъ разлучить васъ съ вашими семействами, и увлечь за симъ новымъ Армяниномъ, — доказываетъ, съ какимъ нетерпѣніемъ вы сносите свои оковы.

Саксонцы, Голландцы, Белгійцы, Баварцы! Мы обращаемъ къ вамъ тѣже слова. Подумайте, и вскорѣ фаланги ваши умножатся всѣми тѣми, кои сохранили еще нѣкоторую тѣнь чести и добродѣтели, посреди порабощенія, васъ унижающаго. Страхъ можетъ еще оковать Государей вашихъ; но васъ, да не удержитъ гибельное послушаніе; въ вашемъ несчастіи, презирая власть, которой они страшатся, они же одобрятъ послѣ

благородныя усилія, долженствующія возвратить имъ счастіе и свободу. Побѣдоносныя Наши войска пойдутъ до границъ непріятельскихъ; тамъ естьли вы покажете себя достойными шествовать подлѣ героевъ Россіи, естьли бѣдствія отечества вашего васъ трогаютъ, естьли Сѣверъ послѣдуетъ великому примѣру храбрыхъ Кастиллановъ, — то трауръ свѣта окончится.

Великодушныя войска Наши вступаютъ въ сію Имперію, которой гордость и могущество уничтожены одною побѣдою; естьлибъ самая сія развращенная нація, вникнувъ въ столь чрезвычайныя происшествія, во-

спріяла сколько нибудь благородныхъ чувствованій, естьлибъ она обратила взоры свои, со слезами раскаянія на славу и счастіе, вкушаемыя ею во дни царствованія Королей ея, Мы бы простерли къ ней руку помощи,— и Европа, готовая содѣлаться жертвою чудовища, пріобрѣла бы себѣ независимость и спокойствіе; — и отъ кроваваго колосса, угрожающаго всей твердой землѣ преступною своею дерзостію, осталось бы одно вѣчное воспоминаніе ужаса и сожалѣнія.

Какое бы ни было окончаніе новой брани, къ которой гордость и неблагодарность возбудили и принудили союзныхъ Монарховъ, они предпочитаютъ

неизвѣстность позору и порабощенію; они подвергаются судьбамъ Бога силъ и брани, который рано или поздно поражаетъ угнетателя и отмщаетъ за угнетеннаго. Могущественны приверженностію и не устрашимостію своихъ подданныхъ, они хотятъ еще испытать случайность и судьбы сраженій.“

Приведенные побѣдою на берега Рейна, союзные Государи вновь представили Европѣ цѣль своего соединенія, своихъ желаній и своей рѣшительности. Чужды всякихъ видовъ честолюбія и завоеваній, съ однимъ желаніемъ возстановить политическое равновѣсіе державъ Ев-

ропы, съ твердою рѣшимостію не оставлять оружія прежде достиженія благородной цѣли своихъ усилій, они обнародовали сообразность своихъ намѣреній, они воззвали даже къ Французскому Правительству и изложили оному свои желанія. Сен-Клудскій кабинетъ изъявилъ съ начала всю свою готовность отвѣчать на миролюбивые предложенія союзныхъ Монарховъ, но вскорѣ обнаружилось, что то была одна личина, которою Французское Правительство старалось прикрыть новыя усилія, требуемыя имъ отъ націи, и, придавъ войнѣ сей видъ справедливости, расположить въ пользу свою мнѣнія другихъ

державъ. Миръ Европы далекъ былъ отъ помышленій Франціи.

Союзныя Державы, проникнувъ скрытные сіи виды, рѣшились силою оружія, въ нѣдрахъ самой Франціи, пріобрѣсть себѣ столь желанный миръ. Многочисленныя арміи ихъ перешли за Рейнъ, — и едва занесли шагъ на отечественную землю Франціи, какъ Министръ Иностранныхъ дѣлъ явился на форпостахъ союзныхъ армій. Съ тѣхъ поръ всѣ виды Французскаго Правительства клонились единственно къ тому, чтобъ обмануть мнѣнія своей націи, ослѣпить ея взоры, и обратить всѣ ужасы и несчастія народной войны на союзниковъ.

Французское Правительство предложило приступить къ мирнымъ переговорамъ, — и союзные Монархи приняли сіе предложеніе съ тѣмъ, чтобъ ходъ военныхъ дѣйствій не былъ отнюдь оными остановленъ; горестная опытность прошедшаго научила ихъ быть недовѣрчивыми, послѣдствіе оправдало необходимость сихъ мѣръ. Полномочные союзныхъ Державъ и Франціи вскорѣ съѣхались, — но по истеченіи условнаго срока, предназначеннаго для переговоровъ, оказалось, что послѣдніе разными мѣлочными затрудненіями, не только не приближили заключеніе всеобщаго мира, но еще болѣе отдалили оное безполезными

переговорами. Засѣданія были прерваны, — и полномочные разъѣхались, хотя Французскому Правительству стоило одного только слова, чтобъ окончить страданія націи, возвратить ей благотворный миръ и съ нимъ ея колоніи, торговлю и свободу промышленности; она не захотѣла сего, — и Франція должна была еще видѣть нѣсколько времени ужасы войны въ нѣдрахъ своихъ.

Союзныя войска вступили во Францію, и продолжали путь свой тремя колоннами подъ предводительствомъ Императора Александра, Австрійскаго Императора и Короля Прусскаго. Императоръ Александръ вездѣ

на пути своемъ обнародывалъ, что ни онъ, ни союзники не намѣрены подражать поведенію побѣжденныхъ ими непріятелей, что они милостиво будутъ обходиться со всѣми городами не дѣлающими сопротивленія, что они не хотятъ предписывать законовъ Франціи и назначать ей властителя, но что сами Французы должны избрать себѣ Государя и возвратить на тронъ знаменитое поколѣніе Царей своихъ, удаленное доселѣ коварствомъ и возмущеніемъ. Императоръ Австрійскій и Король Прусскій объявили всенародно также со своей стороны, что они соединились единственно для истребленія бича народовъ,

и для возвращенія Французскому Правительству Монарха, отца своихъ подданныхъ, Монарха, который уничтожитъ конскрипцію, и возвратитъ дни счастія и мира для Франціи. Могла ли какая цѣль быть благовиднѣе и пріятнѣе? — Многіе города и области съ восторгомъ принимали великодушныхъ Государей, — и были ими облагодѣтельствованы; — а естьли гдѣ и принуждены были проливать кровь, то одно несчастное сопротивленіе было тому виною.

Движенія союзныхъ войскъ были столь быстры и искусно устроены, что дѣйствія Французской арміи не могли остановить онаго. Побѣда вездѣ слѣ-

довала по стопамъ ихъ, — миръ Европы долженствовалъ быть цѣлію ихъ усилій.

Бонапарте всячески старался однако скрывать приближеніе непріятелей къ столицѣ, — и объявлялъ въ оной, то побѣгъ, то совершенное ихъ разбитіе; не смотря на сіи предосторожности, жители Парижа предугадывали угрожающую имъ опасность, особливо увидя поспѣшный отъѣздъ Императрицы, сопровождаемой многочисленнымъ обозомъ, нагруженнымъ всѣми сокровищами казны, и имѣніями Архи-Канцлера и Министровъ.

Столица не имѣла тогда уже болѣе другихъ начальниковъ кромѣ Принца Іосифа, началь-

ника Генеральнаго Штаба и Коменданта національной гвардіи, для управленія оною въ крайнихъ сихъ обстоятельствахъ.

Союзная армія приближилась къ Парижу $\frac{29}{17}$ Марта по дорогѣ изъ Мо (Meaux). Высоты Бельвиля, Сен-Шомона и Монмартра уставлены были многочисленною артиллеріею. $\frac{30}{18}$ числа атаковалъ непріятель оныя по утру въ половинѣ седьмаго часа. Принцъ Іосифъ, сопровождаемый начальникомъ Генеральнаго Штаба, Комендантомъ національной гвардіи и множествомъ жителей, присоединившихся къ нему для защиты Парижа, выступилъ на ближайшія высоты; но вскорѣ, поручивъ городъ мужеству и от-

чаянію войска, военачальники сіи дефилировали вдоль стѣнъ столицы, и уже не являлись болѣе. Французская армія сражалась у воротъ Парижа съ тою же неустрашимостію, какую и вездѣ оказывала, не измѣряя храбрости своей по числу непріятелей, но единственно по духу и безстрашію. Множество гражданъ участвовали также въ послѣдней сей защитѣ столицы своей.

Ужасный громъ артиллеріи потрясалъ всѣ части города; пальба продолжалась съ одинаковою жестокостью до 3 $\frac{1}{2}$ часовъ; наконецъ Французскій военачальникъ видя, что войска его, лишенные всѣхъ средствъ къ дальнѣйшей защитѣ, содѣлают-

ся, тщетнымъ сопротивленіемъ своимъ, жертвою патріотизма,— просилъ о прекращеніи военныхъ дѣйствій. Въ $5\frac{1}{2}$ часовъ перемиріе было уже заключено, — и командующій войсками, разсмотрѣвъ положеніе столицы, соразмѣряя силы свои съ превосходствомъ непріятеля, удостовѣрился, что новое сраженіе подвергнетъ очевидной опасности столицу, жизнь частныхъ людей и ихъ имущества, — и рѣшился наконецъ заключить капитуляцію на честныхъ условіяхъ.

Едва была оная окончана, какъ великодушный Императоръ Александръ, лично командовавшій арміями подъ стѣнами Па-

рижа, обнявъ Короля Прусскаго съ восторгомъ сказалъ ему: *и такъ перестанетъ наконецъ проливаться кровь человѣковъ!* Достопамятныя слова сіи будутъ внесены нѣкогда правдивымъ историкомъ въ лѣтописи вѣковъ и народовъ для поученія Царей.

Епоха сія была тѣмъ достопримѣчательнѣе что 30 Марта 1813 года Бонапарте объявлялъ еще въ прокламаціяхъ своихъ, что хотя бы союзныя арміи стояли на высотахъ Монмартра, — онъ все бы не уступилъ имъ ни одной деревни изъ областей, конституціею присоединенныхъ къ Французской Имперіи; — и 30 Марта 1814 года, у подошвы сихъ самыхъ Монмартрскихъ вы-

сотъ заключена была капитуляція для сдачи Парижа.

Въ ночи съ 30 (*) на 31 Марта Префектъ Сенскаго департамента и Меры Парижа прибыли въ Бонди, гдѣ была главная квартира союзныхъ армій. Императоръ Александръ принялъ ихъ съ сроднымъ ему милосердіемъ и сказалъ имъ слѣдующія слова, тѣмъ болѣе достопамятныя, что великодушныя обѣщанія, коими онѣ были исполнены, дѣйствительно сбылись.

,,Судьба войны привела Меня до сихъ мѣстъ; Императоръ вашъ, бывшій Моимъ союзни-

---

(*) Всѣ числа, какъ сіи такъ и впредь случающіяся, должно разумѣть по новому стилю.

комъ, обманулъ Меня три раза. Онъ пришелъ даже въ нѣдра державы Моей, неся бѣдствія и опустошенія, коихъ слѣды долго останутся видимы. Защита справедливаго дѣла привела меня сюда, но я далекъ отъ мысли воздать Франціи зломъ за зло. Я справедливъ, — и знаю, что Французы въ томъ невиновны; Я почитаю ихъ друзьями своими и хочу доказать имъ, что напротивъ того плачу добромъ за зло. Одинъ Наполеонъ Мнѣ врагъ. Я обѣщаю свое покровительство городу Парижу, и буду пещись о сохраненіи всѣхъ публичныхъ его заведеній; одни отборныя войска будутъ впущены въ сто-

лицу; національная гвардія ваша, составленная изъ лучшихъ гражданъ, останется неприкосновенною; о будущемъ вашемъ счастіи должны пещись вы сами.

,,Вамъ надобно правленіе, которое бы возвратило спокойствіе вамъ и Европѣ; — исполните сіе желаніе, и вы Меня найдете всегда готовымъ споспѣшествовать вашимъ усиліямъ.“

31 Марта, на разсвѣтѣ дня, все народоселеніе Парижа вышло изъ города и многочисленными толпами расположилось по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ должны были проходить войска, пришедшіе возвратить оному свободу. Неслыханное зрѣлище въ исторіи свѣ-

та! болѣе 600 тысячь гражданъ въ совершенной безопасности посреди многочисленнѣйшей арміи непріятелей, цѣлая нація, дружелюбно обращающаяся съ десятью разными народами, пришедшими къ ней съ войною: — разность языковъ не преграждала взаимности чувствъ одного ощущенія — свободы! всѣ говорили разными языками, — и всѣ другъ друга понимали.

Около полудня союзная армія вступила въ Парижъ; и тогда-то упала наконецъ гибельная завеса обмана и заблужденія, которую жестокія и коварныя руки простирали надъ глазами гражданъ Франціи въ послѣдніе несчастные для нее годы. Одно

и общее чувство распространилось по всѣмъ сердцамъ, — чувство ненависти къ виновникамъ бѣдствія народовъ. Восклицанія радости привѣтствовали союзную армію со всѣхъ сторонъ во время прохожденія оной по улицамъ. Взоры всѣхъ обращены были на Императора Александра и Короля Прусскаго. Клики восхищенія раздавались въ воздухѣ въ честь Монархамъ. Въ то время, какъ союзная армія проходила булевары, одна дама, бывшая между зрителями, удивляясь красотѣ и многочисленности войска сказала: и вотъ однако то, что бюллетены Бонапарте выдавали намъ за остатки.“ — „Этаго мало, воз-

разилъ ей близьстоящій человѣкъ, — подивитесь тому, сударыня, что большая часть прекрасныхъ войскъ сихъ, командуема привидѣніями, возвратившимися съ того свѣта: Генералъ Сакенъ убитъ былъ бюллетеномъ при Ферте-су-жуаръ; Генералъ Боркъ умеръ отъ ранъ въ Шато-Тіерри; Графъ Ланжеронъ похороненъ былъ въ Шалонѣ; Графъ С. Пріестъ убитый у Реймса; Генералъ Вреде смертельно раненый при Ганау.“

„Это правда, отвѣчала дама, — и теперь автору знаменитыхъ сихъ бюллетеновъ можно бы сказать извѣстный стихъ изъ комедіи Корнеля: Лжецъ.

И вами кто убитъ живетъ весьма здорово.“

Императоръ Александръ, исполняя обѣщаніе свое сохранить спокойствіе и порядокъ въ завоеванной столицѣ, назначилъ Военнымъ Губернаторомъ оной Генерала Барона Сакена, а Гг. Рошенуара и Герцогенберга Комендантами.

Около 3 часовъ по полудни Его Императорское Величество обнародовалъ слѣдующую прокламацію:

,,Войска союзныхъ Державъ вступили въ столицу Франціи. Союзные Монархи пріемлютъ обѣты Французской націи.

Они объявляютъ:

Что естьли условія мира долженствовали основываться на твердыхъ залогахъ тогда, когда

честолюбіе Бонапарте долженствовало быть укрощено, то нынѣ оныя должны быть благопріятнѣе, когда возвращеніемъ мудраго образа правленія, Франція сама представляетъ увѣрительную поруку общаго спокойствія.

Въ слѣдствіе сего союзные Монархи всенародно объявляютъ:

Что они не хотятъ болѣе вести переговоровъ ни съ Наполеономъ Бонапарте, ни съ кѣмъ либо изъ его фамиліи.

Что они почитаютъ неприкосновенность древней Франціи, такъ какъ оная существовала при законныхъ ея Короляхъ; они готовы еще болѣе сдѣлать, потому что твердо увѣрены въ

шомъ, что для счастія Европы, Франція должна быть велика и могущественна.

Что они признаютъ и будутъ покровительствовать ту конституцію, которую Французская нація сама себѣ дастъ. Для того приглашаютъ они Сенатъ назначить временное правленіе, могущее пещись о благѣ общества, и пріуготовить конституцію, приличную Французскому народу.

Объявленныя Мною намѣренія общи Мнѣ и всѣмъ союзнымъ Державамъ.

АЛЕКСАНДРЪ.

Контрасигнировалъ; Статсъ-Секретарь Графъ *Нессельроде.*

Великодушіе Императора Александра обнаруживалось не менѣе и въ письменномъ отношеніи Графа Нессельроде къ Барону Паскье, Префекту Полиціи отъ 31 Марта.

,,По волѣ Его Императорскаго Величества, Всемилостивѣйшаго Государя моего, приглашаю васъ, Милостивый Государь, освободить изъ темницъ жителей Гуломмы, содержимыхъ въ С. Пелагеи за то, что въ округѣ своемъ препятствовали они стрѣлять на союзныя войска, и тѣмъ спасли жизнь своихъ согражданъ и свои имущества.

Его Императорскому Величеству благоугодно также, чтобъ и всѣмъ прочимъ, кои доселѣ,

за приверженность къ прежнему и законному Государю своему, были содержимы, возвращена была свобода.

Прошу васъ, Милостивый Государь, помѣстить письмо сіе во всѣхъ журналахъ.

Графъ Нессельроде.

Какой величественный и удивительный примѣръ для Франціи явили Государи, пришедшіе въ нѣдра ея съ оружіемъ въ рукахъ, для утвержденія ея спокойствія и обезпеченія будущаго счастія! Франція, изнуренная отъ глубокихъ и жестокихъ язвъ, еще недавно величавшаяся мнимыми побѣдами, сраженная наконецъ общими усиліями народовъ, ожесточенныхъ ея де-

спотизмомъ, должна была въ самыхъ несчастіяхъ своихъ найти конецъ всѣхъ своихъ бѣдствій. Кто бы могъ предсказать сіе? Кто смѣлъ надѣяться, что тѣ самыя страны, въ кои прежде сего несла она смерть и опустошеніе, принесутъ ей спасеніе и благополучіе? Могла ли она ожидать, что вмѣсто гибели и мщенія найдетъ въ оскорбленныхъ и торжествующихъ врагахъ, чувства благости и милосердія, облеченныя въ благороднѣйшее великодушіе и человѣколюбіе, возвышающія цѣну благодѣяній?

Увы! съ давнихъ лѣтъ уже перестала Франція видѣть въ особѣ властителя, могущество

соединенное съ кротостью, великодушіемъ и благодѣяніемъ; съ давнихъ лѣтъ уже не слыхала она съ высоты престола царскаго тѣхъ словъ любви и благоволенія, составляющихъ истинное краснорѣчіе Государей, проницающихъ восторгомъ сердца подданныхъ, и исполняющихъ оныя радостію и умиленіемъ.

О добрый Генрихъ, о Лудвигъ XIV, и ты, о Монархъ несчастный и великодушный, ты, коего послѣдніе мысли, слова и обѣты были милость и прощеніе, — изрѣченія ваши доселѣ еще живы въ сердцахъ нашихъ, доселѣ еще составляютъ предметъ радостнаго воспоминанія,

доселѣ извлекаютъ сладкія слезы, обуреваемаго бѣдами потомства!

Бытописанія вѣковъ превознесутъ нѣкогда и твое имя, о великодушный Александръ! добро, содѣланное намъ тобою тѣмъ милѣе, тѣмъ драгоцѣннѣе для насъ, что оно было произведено кротостію и великодушіемъ; ты перенесъ осчастливленную тобою Францію въ другія, лучшія времена, ты далъ намъ новую жизнь, новыя чувства, новое счастіе, коего мы уже изъ давнихъ лѣтъ чуждались, — и чувства націи, тобою избавленной да наградятъ небесною радостію великое твое сердце! — Нѣкогда въ древности герой, носившій твое имя, изнурилъ

свѣтъ войною, чтобъ заставить хвалить себя въ Афинахъ; тебѣ же стоило одного слова, одного движенія великодушнаго сердца твоего, чтобъ заставить обожать тебя жителями Парижа и всей Франціи. Насладись же, о Государь, въ новыхъ сихъ Афинахъ всѣми прелестями благодѣяній, тобою оказанныхъ, всею благодарностію цѣлаго народа; слѣды бѣдствій, нами претерпѣнныхъ изчезнутъ, но воспоминаніе великодушія твоего останется на всегда неизгладимо напечатлѣно въ сердцахъ нашихъ.

На другой день вшествія союзныхъ Монарховъ въ Парижъ представилось жителямъ новое, трогательное зрѣлище. 1500

Французовъ, взятыхъ въ плѣнъ войсками Императора Александра подъ стѣнами Парижа, введены были въ столицу на булеваръ Магдалены противъ Королевской улицы, посреди многочисленной толпы зрителей — соотечественниковъ. Всѣ ожидали съ недоумѣніемъ рѣшенія судьбы ихъ, какъ вдругъ нѣсколько Рускихъ Офицеровъ явились между ими и обратились къ нимъ слѣдующею рѣчью, сопровождаемою всеобщими рукоплесканіями и кликами радости:

,,Французы! вы болѣе не плѣнники! Императоръ Александръ возвращаетъ вамъ свободу; именемъ Короля вашего Лудвига XVIII, можете вы воз-

вратиться въ нѣдра семействъ вашихъ.,, — Да здравствуетъ Король! — Восклицаніе сіе раздалось со всѣхъ сторонъ.

Ничто не могло быть занимательнѣе и трогательнѣе аудіенціи, которую Императоръ Александръ давалъ Сенату 2 числа. Принявъ благосклонно поздравленія членовъ онаго, сказалъ онъ имъ слѣдующее:

,,Человѣкъ сказывавшійся Моимъ союзникомъ, вступилъ въ области Мои несправедливою войною; съ нимъ однимъ и имѣлъ Я оную, а не съ Франціею; Я другъ Французскаго народа; предпринятыя вами мѣры умножили во Мнѣ сіе чувство; справедливость и благоразуміе требуютъ

учрежденія сильныхъ и свободныхъ постановленій для Франціи, сообразныхъ съ нынѣшнимъ ея положеніемъ; союзники мои и Я, пришли единственно защищать свободу вашихъ рѣшеній."
Императоръ остановился на одно мгновеніе, — и потомъ продолжалъ съ трогательною чувствительностію:

„Для доказательства долговременности того союза, который Я желаю заключить съ вашею націею, возвращаю Я ей всѣхъ плѣнныхъ Французовъ, находящихся въ Россіи. — Временное Правительство просило Меня уже о семъ, — и Я отдаю ихъ Сенату въ слѣдствіе принятыхъ имъ сего дня мѣръ."

(изключенiе Наполеона и семейства его отъ трона Францiи было рѣшено въ тотъ день).

Съ того времени Парижъ представлялъ любопытнѣйшее зрѣлище; союзныя войска уже не въ видѣ непрiятелей, но въ видѣ братiй и друзей мира и человѣчества обнимали другъ друга. Совершенное спокойствiе царствовало въ сей столицѣ, благодаря бдительности Г. Барона Сакена и Г. Дессоля. Союзные Государи, безъ всякаго конвоя, ходили осматривать достопамятности города, и вездѣ куда они ни приходили, встрѣчала ихъ и провожала живѣйшая радость и непритворный восторгъ благодарныхъ сердецъ гражданъ, ко-

имъ наконецъ они великодушно доказали, что не хотятъ ни какого имѣть вліянія на опредѣленія Правительства, коимъ наконецъ они возвратили истинную ихъ свободу.

Какъ скоро Его Высочество Герцогъ Беррійскій прибылъ въ столицу, то союзные Монархи, желая доказать Франціи искренность желаній своихъ соединиться съ нею союзомъ дружбы и спокойствія, объявили прекращеніе военныхъ дѣйствій, — и Франція, еще прежде нежели получила миръ, наслаждалась уже благотворнымъ вліяніемъ онаго.

Парижъ ожидалъ единственно прибытія Лудовика XVIII, чтобъ быть совершенно счастливымъ;

наконецъ желанія народовъ исполнились, Король прибылъ, — и Императоръ Александръ, встрѣтя его въ С. Уенѣ, подтвердилъ ему отъ имени всѣхъ Своихъ союзниковъ непремѣнность Своихъ намѣреній; вскорѣ великодушнымъ Его содѣйствіемъ и желанный, благотворный миръ утѣшилъ страждущіе народы. Подписаніе и обнародованіе сего мира, возвратившаго на престолъ Франціи Лудвига XVIII, утвердили на всегда наше счастіе.

2-го Іюня Императоръ Александръ оставилъ Парижъ. Величіе, кротость и милосердіе Его остались напечатлены въ сердцѣ каждаго Француза. По-

среди великихъ занятій, дарованія мира Европы, удостоилъ Онъ посѣтить всѣ заведенія и достопамятности города. Ученые видѣли глубокія Его познанія, художники изящной вкусъ, всѣ граждане милость и снисхожденіе. Оставляя Парижъ, понесъ Онъ съ собою чувства любви и почтенія цѣлаго народа, восхищеннаго великими Его добродѣтелями; воспоминаніе о Его великодушіи пребудетъ столь же вѣчно въ душахъ нашихъ, сколь великое имя Его останется незабвеннымъ въ лѣтописяхъ міра. Два дни послѣ Его отъѣзда оставили столицу нашу и Императоръ Австрійскій съ Королемъ Прусскимъ, будучи сопро-

вождаемы чувствами искренней и всеобщей признательности граждан.

2-го Іюня Г. Баронъ Сакенъ писалъ Г. Дессолю, начальнику національной гвардіи, слѣдующее письмо:

Милостивый Государь!

Съ прекращеніемъ званія и должности Парижскаго военнаго Губернатора, долгомъ поставляю себѣ изъявить Вамъ живѣйшую мою радость о тѣхъ счастливыхъ сношеніяхъ, кои существовали между національною гвардіею сей столицы и союзными войсками. Дружелюбное сіе соединеніе храбрыхъ Французовъ съ мужественными воинами другихъ державъ Европы будетъ

нѣкогда для потомства предметомъ удивленія, такъ какъ оное нынѣ послужитъ для всѣхъ народовъ примѣромъ твердаго союза, основаннаго на взаимномъ уваженіи и любви.

Благоразуміе Ваше наиболѣе способствовало къ установленію и сохраненію сего согласія, — и, оставляя Парижъ, я не могу упустить, чтобъ не изъявить вамъ за сіе чувствительнѣйшей моей признательности. Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ чувствахъ моего почтенія.

Сакенъ.

Его Величество Лудовикъ XVIII, прислалъ къ Генералу Сакену портретъ свой, осыпан-

ный бриллiантами, съ слѣдующимъ письмомъ:

Парижъ 3 Iюня 1814.

Г. Генералъ Сакенъ! Умѣя цѣнить заслуги и усердiе ваше къ сохраненiю спокойствiя въ добромъ моемъ городѣ Парижѣ, и старанiя ваши къ облегченiю тягостей моихъ подданныхъ, Я желаю вамъ изъявить чрезъ сiе Мое уваженiе, удовольствiе и увѣренiе всѣхъ Моихъ къ вамъ чувствъ. Молю Бога да сохранитъ Онъ васъ подъ святымъ своимъ покровомъ.

Лудовикъ.

Граждане Парижа, желая также изъявить признательность свою Генералу Сакену за

устройство и спокойствіе, царствовавшія въ столицѣ во время управленія его, поднесли ему 31 Іюня золотую шпагу, украшенную бриллiантами, съ двумя надписями. На одной сторонѣ написано: *миръ* 1814 *года*, а на другой: *городъ Парижъ Генералу Сакену*. Сверхъ того еще одинъ карабинъ и пару пистолетовъ въ золотыхъ оправахъ.

ДОСТОПРИМѢЧАТЕЛЬНЫЯ

ИЗРѢЧЕНІЯ

ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА I.

ВО ВРЕМЯ ПРЕБЫВАНІЯ ЕГО ВЪ ПАРИЖѢ.

ДОСТОПРИМѢЧАТЕЛЬНЫЯ ИЗРѢЧЕНІЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I-го ВО ВРЕМЯ ПРЕБЫВАНІЯ ЕГО ВЪ ПАРИЖѢ.

При вшествіи въ Парижъ Его Императорское Величество сказалъ многочисленной толпѣ, тѣснившейся около священной Особы Его: *Я пришелъ къ вамъ не врагомъ, — Я принесъ вамъ миръ и торговлю.*

Одинъ молодой человѣкъ, Г. Андре де Тремонтель, присоединясь къ толпившимся вокругъ Его, и ободренный снисхожденіемъ и кротостію Монарха, осмѣлился сказать ему: какое

торжество для Вашего Величества! — и вы даруете намъ миръ? — *Такъ*, отвѣчалъ великодушный Александръ, *такъ, миръ, миръ, друзья мои! счастіе и спокойствіе Франціи! — Вотъ торжество мое!* — Голосъ Его Императорскаго Величества былъ при сихъ словахъ столь трогателенъ, что молодой человѣкъ не могъ воздержать стремленія чувствъ своихъ, и съ восторгомъ нѣсколько разъ облобызалъ руку Монарха.

Нѣкто сказалъ Императору Александру: мы уже давно ожидали и желали прибытія Вашего въ Парижъ. — ,,*Я бы и пришелъ ранѣе*, отвѣтствовалъ Монархъ,

но виною моей медлѣнности была храбрость Французовъ.

Во время прогулки Его Императорскаго Величества по улицамъ Парижа, когда толпы окружающія Его съ почтеніемъ раздавались по сторонамъ для свободнаго Его прохожденія: *небойтесь*, сказалъ имъ сей добрый Государь, *не бойтесь ко мнѣ приближаться.*

Его Императорское Величество осматривалъ Тюллерійской дворецъ, — и когда ему показывали залу мира, то онъ спросилъ улыбаясь: *къ чему служила зала сія для Бонапарте.*

Изъявя удовольствіе Свое за устройство и красоту убранствъ дворца сего, сказалъ Онъ: *Я на-*

шелъ Парижъ въ прекрасномъ видѣ, — надѣюсь однако оставить оный еще въ лучшемъ состояніи.

Его Императорское Величество, осматривая большую галлерею Музеума, сказалъ: *что надобно десять дней по крайней мѣрѣ осматривать ее, чтобъ насладиться столь прекрасными произведеніями искуства.* Примѣтивъ однако, что многихъ картинъ не доставало, и полагая, что оныя были снесены для сохраненія ихъ отъ первыхъ безпорядковъ вступленія войскъ, Его Величество сказалъ: *какъ же худо знали Мои намѣренія, естьли страшились за неприкосновенность Музеума.*

Выходя однажды изъ сада растѣній (jardin des plantes) и проходя мостъ, остановился Онъ, чтобъ удовлетворить любопытству толпы, жаждущей видѣть Его, и сказалъ: *радуйтесь, друзья Мои! Бонапарте отказался угнѣтать васъ; чрезъ недѣлю будетъ вамъ возвращенъ вашъ Король и миръ.*

Его Императорское Величество удостоилъ посѣтить въ 4-мъ этажѣ супругу Полковника Лагарпа, бывшаго его учителемъ. Дама сія съ почтеніемъ стояла передъ Монархомъ. *Вы очень перемѣнились*, сказалъ ей Императоръ. — Ваше Величество, я была со всѣми прочими подвержена перемѣнамъ обстоя-

тельствъ. — *Вы Меня не понимаете*, возразилъ ей великодушный Монархъ трогательнымъ голосомъ: *Я хотѣлъ сказать, что вы перемѣнилися противъ Меня, потому что прежде безъ чиновъ садились подлѣ Воспитанника вашего супруга, и разговаривали съ Нимъ дружески, а нынѣ стоите передъ Нимъ.*

Удостоивъ принять депутацію Институтa Франціи и выслушавъ съ особеннымъ вниманіемъ рѣчь Г. Лакретелля, Президента онаго, Его Императорское Величество отвѣчалъ съ сродною ему благосклонностію: „Я всегда уважалъ успѣхи Французовъ въ наукахъ и словесности; они много содѣйствовали

къ распространенію просвѣщенія въ Европѣ; Я не обвиняю ихъ въ бѣдствіяхъ своего отечества, и поставляю Себѣ обязанностію возвратить имъ свободу. Быть полезнымъ человѣчеству есть цѣль Моихъ намѣреній; одушевленный симъ единымъ желаніемъ, пришелъ Я во Францію. — За удовольствіе Себѣ почту также особенно составить вамъ знакомство.“

Между людьми отличнаго достоинства и дарованій, удостоенными вниманія Императора, былъ также Г. Аббатъ Сикаръ, извѣстный непремѣнною своею приверженностію къ законной династіи, за которую понесъ немилость и гоненіе Бонапарте.

Въ то время, какъ сей достойный мужъ получалъ отъ всей Европы знаки благоволенія и уваженія, когда мнсгими Академіями и между прочими С Петербургскою, былъ онъ принимаемъ въ число почетныхъ сочленовъ, онъ оставался забвенъ, и даже гонимъ въ своемъ отечествѣ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, представляя однажды реэстръ ученыхъ людей, достойныхъ полученія пенсіи, поставилъ сверху имя почтеннаго сего преемника Аббата Л'Епе. Бонапарте съ гнѣвомъ вымаралъ его и поставилъ другаго человѣка, ему преданнаго. Аббатъ Сикаръ избранъ былъ каноникомъ каѳедральной церкви Божіей Ма-

тери (Notre-dame); но званіе сіе, столь лестное для честныхъ и достойныхъ людей, вскорѣ было вовсе уничтожено.

Бонапарте, столь много расточавшій на награжденія ученыхъ людей, ему приверженныхъ, никогда и никакого вспомоществованія не хотѣлъ дать для института глухо-нѣмыхъ, пришедшаго непредвидѣнными обстоятельствами въ упадокъ, и поддерживаемаго единственно трудолюбіемъ и отеческими попеченіями Директора. Никогда не удостоилъ онъ своимъ посѣщеніемъ благородное заведеніе сіе; онъ даже запретилъ супругѣ своей оный посѣщать, изъ чего ясно видна ненависть его къ

человѣку, заслужившему всеобщее уваженіе за свои правила, простодушіе и услуги оказанныя человѣчеству. Бонапарте съ завистію и неудовольствіемъ смотрѣлъ даже на ту благосклонную внимательность, коею удостоивали Г. Сикара иностранные Государи. Слѣдующій анекдотъ можетъ служить тому доказательствомъ.

Императоръ Александръ, умѣя цѣнить и награждать всякаго рода достоинства, прислалъ къ Аббату Сикару орденъ Св. Владимира; сей послѣдній въ восхищеніи таковой благосклонности Великаго Монарха, испрашивалъ отъ своего Правительства обыкновенное дозволеніе оный но-

сить; просьба сія была подкрѣплена предстavленіемъ Князя Куракина, бывшаго тогда посломъ Россійскаго Двора во Франціи; но отвѣтъ Бонапарте былъ рѣзкій и рѣшительный отказъ, въ которомъ онъ всегда упорствовалъ.

Все, на чемъ основывались обвиненія, коими старались очернить Г. Сикара, было то, что онъ осмѣлился отвѣчать Г. Ганри ла Ривіеръ, одной изъ несчастныхъ жертвъ 18 Фруктидора. Обстоятельство сіе служило впрочемъ однимъ предлогомъ къ гоненіямъ; дѣйствительная же оныхъ причина была непоколебимая вѣрность его къ правиламъ добродѣтели и бла-

гочестію, и приверженность къ законному Государю своему.

Новѣйшія происшествія довольно наградили его наконецъ за претерпѣнное имъ гоненіе; — приглашенный къ столу Императора Александра, былъ онъ принятъ великодушнымъ симъ Монархомъ столь лестно и милостиво, что онъ до глубины сердца былъ симъ тронутъ. Его Императорское Величество благодарилъ его за присланнаго имъ по просьбѣ Родительницы Его Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны одного изъ отличнѣйшихъ его учениковъ (Г. Жофре), подъ учрежденіемъ коего устроено съ большимъ успѣхомъ заведеніе глухо-нѣмыхъ въ С.

Петербургѣ. — „Онъ въ весьма скоромъ времени научился Рускому языку, сказалъ Императоръ — и Я весьма часто и съ удовольствіемъ присутствовалъ при урокахъ его. Полагая однако научиться еще чему нибудь при вашихъ наставленіяхъ, Я намѣренъ въ скоромъ времени посѣтить и васъ.

Послѣ обѣда былъ Г. Сикаръ представленъ чрезъ Г. Матьё де Монморанси Графу Д' Артуа и Герцогу Беррійскому. Благосклонность и соучастіе сихъ знаменитыхъ отраслей обожаемаго имъ поколѣніе Бурбоновъ довершили его счастіе.

Императоръ Александръ осматривалъ также монетные дворы.

Тамъ, въ присутствіи Его, выбиты были разныя золотыя и серебреныя монеты съ вензелевымъ именемъ Его Императорскаго Величества, которыя Государь Императоръ удостоилъ принять съ благосклонностію. Изъ сего заведенія прошелъ Императоръ пѣшкомъ въ Мюнце-Кабинетъ, гдѣ главный Директоръ имѣлъ счастіе принять сего великаго посѣтителя. При входѣ Государя въ чеканныя комнаты выбиты были разныя медали. На одной изъ нихъ изображена была важная эпоха посѣщенія сего же заведенія Петромъ Великимъ. Съ одной стороны портретъ Регента, а съ другой Россійскаго Императора и Лудвига XV, еще от-

рокомъ бывшаго, съ надписью: Petri Russorum Autocratis cum Rege congressio. MDCCXVII. — Медаль сія напоминаетъ любопытный анекдотъ во время пребыванія Петра I-го въ Парижѣ. Императоръ сей, при посѣщеніи Лудвига XV, былъ въ недоумѣніи въ разсужденіи этикета съ Королемъ, которому было тогда отъ роду около 8 лѣтъ; наконецъ слѣдуя движенію своего сердца, для прекращенія сихъ затрудненій, подошелъ къ юному Монарху, взялъ его на руки, — и поцѣловалъ.

Въ числѣ поднесенныхъ Императору Александру медалей, находилась одна большая въ 32 линіи, на коей съ одной сто-

роны было изображенiе Императора Петра I-го, а съ другой Императора Александра. Его Императорское Величество тронутъ былъ при видѣ изображенiя знаменитаго своего предка, и казался довольнымъ видѣть себя вмѣстѣ представленнымъ съ великимъ симъ Государемъ.

Одна дама говорила Рускому Офицеру: „Какъ вашъ Императоръ собою прекрасенъ!“—„Этаго мало, отвѣчалъ онъ, Онъ добръ и доброта Его превосходитъ красоту.“ Г. Бебектъ Инспекторъ лѣсовъ, бывшiй при семъ разговорѣ, прибавилъ: „Императоръ Александръ налагаетъ нынѣ на Францiю контрибуцiю, въ платежѣ коей Онъ можетъ

быть увѣренъ; оная состоитъ въ признательности всѣхъ сердецъ жителей Франціи.“

Одна изъ знатныхъ особъ имѣла случай при выходѣ Императора изъ оперы спросить его: доволенъ ли онъ Парижанами? Его Императорское Величество изволилъ отвѣчать: *Я не могу довольно выразить Свое удовольствіе; естьли бы Я когда имѣлъ мысль отяготить Парижъ бременемъ войны, то пріемъ жителей, далеко бы отогналъ ее отъ Моего сердца.*

Императоръ Александръ обѣдавши въ С. Денисѣ у Князя П..... Польскаго Генерала, непремѣнно хотѣлъ, чтобы хозяинъ дома былъ также за столомъ.

*

Въ числѣ гостей находился Россійскій Генералъ Графъ Ланжеронъ, которому Государь по окончаніи обѣда сказалъ съ веселостію: Я недавно осматривалъ высоты Монмартра, и нашелъ тамъ запечатанный пакетъ на ваше имя. Графъ Ланжеронъ отвѣтствовалъ, что онъ ничего не потерялъ. Однако Я кажется не ошибся, возразилъ Императоръ, и вынявъ изъ кармана пакетъ подалъ ему; посмотрите! Графъ принялъ пакетъ и съ удивленіемъ увидѣлъ, что онъ былъ къ нему надписанъ. Какое же его было удивленіе и радость, когда распечатавъ оный, нашелъ онъ орденъ Св. Андрея Первозваннаго, пожалованный ему

Государемъ; онъ бросился къ ногамъ его, но великодушный Монархъ поднялъ его и прижалъ къ своему сердцу.

Его Императорское Величество по окончаніи послѣдняго смотра войскъ своихъ въ Парижѣ между Нейлійскою заставою и Булонскимъ лѣсомъ, возвращался въ каретѣ въ городъ. Кучеръ его, Французъ, по неосторожности задѣлъ коляску одного частнаго человѣка и опрокинулъ ее. Императоръ тотчасъ вышелъ самъ изъ кареты, поднялъ хозяина коляски, извинялся передъ нимъ и спросилъ его объ имени и жительствѣ. — Въ 9 часовъ вечера послалъ Госу-

дарь одного изъ своихъ Адьютантовъ къ нему для узнанія о состояніи его здоровья; на другой же день въ 7 часовъ утра, къ крайнему удивленію сего гражданина, Его Императорское Величество прислалъ къ нему вторично чрезъ Адьютанта своего: богатой перстень, великолѣпную коляску и прекрасную лошадь съ новыми извиненіями въ случившемся происшествіи.

Императоръ Александръ столь милостиво и отлично обращался съ Генераломъ Моро, что сей никогда не могъ говорить о немъ безъ сердечнаго восторга о великомъ семъ Государѣ, и когда услышалъ однажды въ раз-

говорѣ одного изъ Рускихъ Генераловъ, называющаго его лучшимъ изъ Царей, онъ съ восхищеніемъ прибавилъ, — и лучшій изъ людей.

Слѣдующій анекдотъ можетъ служить доказательствомъ искренней любви, которую питаютъ къ Государю сему всѣ его подданные. Одинъ Руской Офицеръ, будучи въ театрѣ, удивился дѣйствію, произведенному на зрителей извѣстною народною пѣснію: Vive Henri IV, vive ce Roi etc. и спрашивалъ о причинѣ близь сидящаго Француза. Пѣсня сія, отвѣчалъ тотъ, напоминаетъ намъ всегда объ одномъ изъ любимѣйшихъ и великихъ Королей нашихъ, объ ко-

торомъ мы не можемъ слышать безъ восторга и слезъ. — Ахъ! такъ это точно какъ мы объ нашемъ Александрѣ, сказалъ Руской Офицеръ.

ПОДРОБНОСТИ ПОСЛѢДНИХЪ МИНУТЪ ЖИЗНИ ГЕНЕРАЛА МОРО.

Генералъ Моро былъ раненъ, находясь позади одной Прусской батареи, противъ которой направлены были двѣ Французскія; въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него были Лордъ Каткартъ и Сиръ Робертъ Вильсонъ; онъ разговаривалъ съ Императоромъ Александромъ въ разстояніи отъ него не болѣе какъ на полдлины лошади; въ сію минуту поразило его пушечное ядро. Сперва испустилъ онъ тяжелый вздохъ, но потомъ, когда

пришелъ въ себя, началъ онъ хладнокровно разговаривать съ окружающими его, и даже спросилъ себѣ цигару. Онъ отнесенъ былъ козаками на пикахъ въ одну изъ ближнихъ хижинъ, гдѣ и былъ перевязанъ; но какъ хижина сія была подвержена непріятельскому огню, то и должно было вторично перенести его въ главную квартиру Императора, гдѣ и отнята была у него одна нога; во время продолженія операціи курилъ онъ хладнокровно трубку, и когда хирургъ объявилъ ему, что необходимо надобно отнять и другую ногу, то онъ сказалъ: естьлибъ я это прежде зналъ, то лучше бы умеръ. Первые носилки, на ко-

торыхъ онъ былъ принесенъ въ главную квартиру, составлены были изъ мокрой соломы и мокраго одѣяла; дождь мочилъ его во весь тотъ день. Потомъ приготовили ему лучшее убѣжище, и онъ опять отнесенъ былъ на носилкахъ въ Диппольсвальдъ. — До костей промокши, прибылъ онъ туда, и уже спокойнѣйшимъ образомъ отправился въ Лаунъ. Тамъ уже было ему лучше, но онъ становился часъ отъ часу слабѣе, не теряя впрочемъ ни на минуту присутствія духа.

ПИСЬМО МОРО

КЪ СУПРУГѢ СВОЕЙ.

Милой другъ! въ сраженіи, бывшемъ при Дрезденѣ, три дни тому назадъ, отстрѣлили мнѣ обѣ ноги. Операція удалась наилучшимъ образомъ. Хотя армія наша и сдѣлала отступательное движеніе, но это не есть слѣдствіе неудачи; а единственно для того, чтобъ присоединиться къ корпусу Блюхера. Извини меня за мое мaранье, я люблю тебя и цѣлую отъ всего сердца. Рапатель окончитъ письмо.

В. М. (Викторъ Моро).

(Продолженіе руки Рапателя).

Милостивая Государыня! Его Превосходительство позволилъ мнѣ продолжать на томъ же листѣ, на которомъ онъ написалъ нѣсколько строкъ. Вы можете судить о горести моей въ нынѣшнемъ положеніи. Съ самой минуты несчастнаго происшествія я не оставлялъ его ни на часъ и не оставлю до совершеннаго излѣченія. Впрочемъ мы надѣемся до увѣрительности, и особливо, зная духъ его, почти смѣемъ ручаться за его выздоровленіе. Онъ выдержалъ операцію съ удивительнымъ мужествомъ, и лѣкарь, по снятіи первой перевязки, нашелъ раны въ

очень хорошемъ состояніи. Съ начала чувствовалъ онъ слабую лихорадку, но теперь и та уменьшилась. Простите мнѣ подробность сихъ описаній; онѣ столь же горестны для меня, сколь будутъ и для васъ, но я не теряю мужества; надѣйтесь на мое усердіе, мою дружбу, и на всѣ чувства, питаемыя къ вамъ обоимъ. Не безпокойтесь слишкомъ; зная васъ мнѣ бы не нужно и напоминать вамъ объ этомъ. Я буду стараться чаще увѣдомлять васъ обо всемъ. Въ сію минуту докторъ увѣряетъ, что естьли все пойдетъ такъ какъ ожидаетъ, то Его Превосходительство въ состояніи будетъ черезъ пять недѣль ѣхать въ

каретѣ. Прощайте, почтенной другъ, я очень несчастливъ! цѣлую бѣдную Изабеллу (дочь Моро 8-ми лѣтъ).

Преданнѣйшій вашъ слуга

Рапатель.

Лаунъ 30 Августа 1813.

1-го *Сентября:* все идетъ хорошо, — онъ спокоенъ.

Извлеченіе изъ записокъ одной особы изъ свиты Короля Прусскаго, касательно Генерала Моро.

30-го Августа 1813 года Кабинетъ Прусскаго Короля находился въ Лаунѣ, маленькомъ городкѣ Богеміи, въ 10 миляхъ отъ Теплица, въ ожиданіи рѣшенія важнаго Кульмскаго сраженія. Въ вечеру принесенъ былъ въ домъ, нами занимаемый, Генералъ Моро. Мнѣ сказали, что онъ просилъ бумаги для написанія письма къ супругѣ своей въ Лондонъ. Я пошелъ къ нему съ моимъ портфейлемъ, и нашелъ съ нимъ еще Г-на Свиньина, прибывшаго съ нимъ изъ Америки,

который сказалъ ему: „Вамъ принесли бумаги для письма.“— „Я не хочу писать, отвѣчалъ Моро; но когда хотѣли унести портфейль, онъ прибавилъ: вы правы однако, дайте я напишу.“ На портфейлѣ, ему поданномъ, началъ онъ писать съ твердостію и сохраняя глубокое молчаніе; онъ казался болѣе отдыхающимъ, нежели раненымъ; пальцами перебиралъ онъ покрывало, и ни одинъ стонъ, ни одна черта не измѣняли внутреннимъ его страданіямъ; голосъ его былъ твердъ и чистъ, сердце его было исполнено чувствами живѣйшаго соучастія въ судьбѣ народовъ; одна только ужасная блѣдность, впалыя щеки и едва

примѣтная черта движенія губъ означали душевное бореніе жизненныхъ силъ съ чрезмѣрною болѣзнію.

Г-нъ Свиньинъ разсказывалъ мнѣ, что когда Герцогъ Кумберландскій изъявлялъ Генералу Моро сердечное соболѣзнованіе свое о бѣдственномъ его положеніи, онъ отвѣчалъ ему, — что онъ еще не отказывается отъ надежды появиться опять на полѣ сраженій, доколѣ у него остается голова. Сказанное ему извѣстіе о троекратной побѣдѣ, одержанной Союзниками, восхитило его до чрезвычайности.

2-го Сентября прибылъ Г-нъ Свиньинъ въ Теплицъ, и привезъ намъ печальное извѣстіе о кон-

чинѣ Генерала Моро. Онъ умеръ въ 7 часовъ утра, и въ послѣднія минуты жизни диктовалъ къ Императору Александру слѣдующее письмо: „Ваше Императорское Величество! я нисхожу въ гробъ съ тѣмъ же почтеніемъ, съ тѣми же чувствами, кои Вы внушили мнѣ съ первой минуты перваго нашего свиданія...“ Болѣе онъ ничего не могъ сказать, жизнь его пресѣклась! — Тѣло его было набальзамировано и отвезено въ С. Петербургъ.

Такимъ образомъ скончался сей достопамятный мужъ, прибывшій изъ Америки, для соучастія въ великомъ дѣлѣ освобожденія Европы.

ПИСЬМО ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА

ко вдовѣ Генерала Моро.

Милостивая Государыня! когда ужасное несчастіе, поразившее Генерала Моро, при глазахъ Моихъ, лишило Меня позна́ній и опытности сего великаго человѣка, Я имѣлъ еще надежду, что усерднѣйшія попеченія сохранятъ его для своего семейства и Моей дружбы. — Но Провидѣнію Всевышняго угодно было иначе. Онъ умеръ такъ какъ и жилъ: съ чувствами сильной и постоянной души.

Для облегченія сильныхъ страданій нѣтъ другихъ средствъ,

какъ искреннее участіе другихъ. Въ Россіи найдете вы, Милостивая Государыня, вездѣ сіи чувствованія, и естьли бы вамъ угодно было основать въ оной пребываніе свое, Я бы изыскивалъ всѣ средства къ украшенію жизни той особы, которой Я почитаю священнымъ долгомъ предложить всѣ возможныя утѣшенія и помощь. Я васъ прошу быть всегда въ томъ увѣренной и извѣщать Меня о всѣхъ обстоятельствахъ, въ коихъ могу быть вамъ полезнымъ, адресуясь всегда ко мнѣ лично; Я почту Себѣ счастіемъ предупреждать всѣ ваши желанія; дружба, въ коей Я увѣрялъ супруга вашего, простирается и за предѣлы гроба,

и Мнѣ не остается другихъ средствъ, хотя чѣмъ нибудь отчасти заплатить долгъ Свой къ умершему, какъ дѣлая сколько нибудь добра его семейству.

Примите, Милостивая Государыня, въ горестныхъ и жестокихъ сихъ обстоятельствахъ, сіи изъявленія дружбы, и увѣренія живѣйшаго Моего въ оныхъ соучастія.

АЛЕКСАНДРЪ.

Вся Европа знала великія военныя дарованія Генерала Моро, но рѣдкіе знали благородство и доброту его сердца. Кто видѣлъ его въ кругу общежитія, тотъ долженъ былъ крайнѣ дивится что столь много простосердечія скрывалось въ столь великомъ человѣкѣ. Онъ говорилъ о Бонапарте: этотъ человѣкъ покрылъ стыдомъ Французскую націю; скоро честные люди почтутъ себѣ за поношеніе называться Французами, тогда какъ ненависть и проклятіе другихъ народовъ будутъ обременять ихъ.

Прибытіе Моро на твердую землю произвело всеобщій восторгъ въ Германіи.

Фридрихъ великій былъ любимѣйшимъ героемъ Моро. Онъ удивлялся ему какъ мудрецу, герою и царю вмѣстѣ. ,,Онъ никогда не оставлялъ своей арміи во время битвъ, говорилъ Моро; побѣды его были плодомъ дальновиднѣйшихъ и глубочайшихъ размышленій, произведенныхъ въ дѣйство вѣрнѣйшимъ глазомѣромъ и самымъ рѣдкимъ хладнокровіемъ съ духомъ истиннаго мужества, приличнаго Царямъ. Бѣшеная тактика Бонапарте совершенно разстроила военное искуство; сраженія сдѣлались теперь ужаснѣйшими побоищами; въ прежнія времена, щадя кровь солдатъ, старались рѣшить успѣхъ кампаніи, а нынѣ

рѣшатъ ихъ цѣлыя рѣки крови человѣческой; Наполеонъ всегда выигрывалъ сраженія множествомъ жертвъ.

16 Августа 1816 въ 8 часовъ вечера прибылъ Генералъ Моро въ Прагу, наканунѣ окончанія перемирія. Онъ тотчасъ же послалъ Полковника Рапателя и Г. Свиньина къ Императору Александру для принятія повелѣній Его. Посланные встрѣтили Государя сего, выходящаго съ Австрійскимъ Императоромъ для прогулки. Его Императорское Величество изъявилъ совершенное свое удовольствіе о прибытіи Генерала Моро, и сказалъ присланнымъ, что Онъ откладываетъ свиданіе съ нимъ

до завтрешняго дня, потому что Генералу сего дня нужно успокоеніе послѣ столь долгаго и труднаго пути. Императоръ послалъ тотчасъ же своего Генералъ-Адьютанта для поздравленія его съ прибытіемъ.

На другой день Моро хотѣлъ уже итти въ 8½ часовъ къ Его Императорскому Величеству, какъ при входѣ встрѣтилъ самого Монарха къ нему пришедшаго. Государь обнялъ его, пошелъ съ нимъ въ его кабинетъ и разговаривалъ съ нимъ болѣе 2 часовъ.

18 числа Императоръ Александръ представлялъ Генерала Моро Австрійскому Императору, который принялъ его от-

личнѣйшимъ образомъ, и между прочимъ благодарилъ его за умѣренность и кротость, оказанныя имъ во время компаній его на Рейнѣ. ,,Добродѣтели ваши, прибавилъ онъ, много способствовали къ уменьшенію золъ войны для моихъ подданныхъ.“ — Король Прусскій прибылъ сего числа также въ Прагу, и Императоръ Александръ, отпустивъ Генерала Моро домой, для приуготовленій къ отъѣзду на другой день въ армію, вскорѣ послѣ самъ прибылъ въ его квартиру съ Королемъ Прусскимъ, которому его представилъ. Государь сей, обнявъ его дружески, сказалъ: что онъ съ большимъ удовольствіемъ пришелъ посѣтить

Генерала, столь прославившагося своими подвигами и добродѣтелями.

Таковый лестный пріемъ, сдѣланный Императоромъ Александромъ Генералу Моро, доказывалъ, что Монархъ сей зналъ, чѣмъ привязать къ себѣ великаго человѣка; въ послѣдствіи Моро никогда не могъ говорить безъ сердечнаго восторга о великомъ семъ Государѣ.

Вскорѣ донесенія плѣнныхъ подтвердили извѣстіе о прибытіи Бонапарте въ Дрезденъ съ 60 тысячь человѣкъ войска, коего часть была туда доставлена по почтѣ.

Наконецъ 27 числа произошло гибельное сраженіе; ужас-

ный дождь лилъ во весь день, такъ что артиллерія едва могла дѣйствовать, а огонь мѣлкаго оружія вовсе почти долженъ былъ умолкнуть. Около полудня сообщалъ Генералъ Моро Императору Александру, бывшему весьма отъ него близко, нѣкоторыя замѣчанія, какъ вдругъ ядро, пущенное съ одной непріятельской батареи, раздробило колѣно лѣвой ноги его, и, пройдя, на вылетъ лошади оторвало икру правой ноги. Трудно изобразить ту горесть, которую почувствовалъ Государь при семъ видѣ; слезы показались на глазахъ Его, и Онъ самъ спѣшилъ подать ему нужную помощь и утѣшеніе. Полковникъ

Рапатель бросился поднимать его. ,,Я погибъ, сказалъ ему Моро, но мнѣ пріятно умерѣть за справедливую причину и въ глазахъ столь великаго Государя."

Полковникъ Рапатель старался утѣшить его, говоря, что онъ легко можетъ быть спасенъ, и что доколѣ такому человѣку, какъ онъ, остались голова и сердце, то онъ еще можетъ надѣяться оказать услугу человѣчеству. — Генералъ Моро молчалъ, не желая уничтожить надеждъ дружества, но самое молчаніе его доказывало уже, что великая душа предчувствовала смерть, и встрѣчала ее безъ страха.

Сдѣланы были наскоро носилки изъ козацкихъ пикъ и плащей, — и онъ отнесенъ былъ въ одну изъ близь лежащихъ хижинъ, гдѣ Г. Велли, первый хирургъ Императора Александра, отнялъ у него сперва правую ногу выше колѣна; по окончанiи сей операцiи Моро просилъ его осмотрѣть другую ногу, и когда хирургъ отвѣчалъ ему, что и сiя должна быть отнята, онъ хладнокровно сказалъ: *ну такъ рѣжьте!* Не нужно говорить сколь непреодолимую твердость показывалъ онъ посреди ужаснѣйшихъ мученiй, утѣшая даже окружающихъ его. Отъ сюда перенесенъ онъ былъ на носилкахъ же въ Лаунъ.

31. Безпокойство и слабость его умножились, — и уже смертный холодъ доходилъ до внутренности его, какъ вдругъ прибывшее извѣстіе о трехъ великихъ побѣдахъ, одержанныхъ союзниками, казалось оживило его и распространило въ сердцѣ цѣлительный бальзамъ.

1-го Сентября удалось Докторамъ остановить икоту, — и онъ изъявилъ большое желаніе быть перевезеннымъ въ Прагу. Ему дали почувствовать, что онъ не въ силахъ перенести сего путешествія, но онъ освѣдомлялся нѣтъ ли водянаго сообщенія съ рѣкою Молдау, полагая быть въ состояніи выдержать

проѣздъ водою. Онъ былъ занятъ еще симъ предметомъ, какъ вдругъ слышимые крики на улицѣ привлекли его вниманіе; онъ послалъ узнать о причинѣ, и когда сказали ему, что шумъ происходитъ отъ вшествія въ городъ плѣннаго Генерала Вандама, сопровождаемаго толпою жителей, то онъ возразилъ съ живостію: „Давно пора лишить чудовище сіе всѣхъ способовъ вредить человѣчеству."

Во всю ночь съ 1-го на 2-е Сентября Моро былъ въ большомъ безпокойствѣ: часто заставлялъ репетовать часы свои, и звалъ къ себѣ то Полковника Рапателя, то Г. Свиньина; по-

томъ хотѣлъ диктовать письмо къ Императору. Наконецъ въ 7-мъ часовъ утра приказалъ онъ Г. Свиньину взять перо и писать строки, означенныя на стр. 91.

Едва окончилъ онъ сіи слова, какъ глаза его закрылись. Г. Свиньинъ, думая что онъ размышляетъ о слѣдующемъ, держалъ еще перо въ рукахъ... но его уже не было! лучшій и благороднѣйшій изъ людей окончилъ жизнь свою. Смерть не оставила на немъ ни какихъ слѣдовъ ни страданія, ни конвульсій; онъ казался спящимъ сномъ мирнымъ и кроткимъ, подобнымъ сердцу его въ часъ кончины. — Такъ скончался герой, посвящая

послѣдній вздохъ свой, послѣднюю мысль Великому Монарху, освободителю Европы.

Происшествія столь быстро одни за другими послѣдовали, что онъ не имѣлъ время обнародывать прокламацію свою къ Французамъ. Она была написана кратко и сильно; она заключала въ себѣ воззваніе къ несчастнымъ жителямъ Франціи, угнетеннымъ желѣзнымъ скипетромъ тирана. Прокламація, приписанная ему отъ 17 Августа изъ Гровиша, вовсе не его. Единственное желаніе его было окончить дни свои во Франціи въ мирѣ и спокойствіи въ объятіи своего семейства. Импе-

раторъ Александръ сказалъ ему нѣкогда: „Вы будете Моимъ другомъ и совѣтодателемъ!“ Какое же титло, болѣе сего, могло льстить его честолюбію?

